

Национальный инвестиционный совет
Российская академия наук

Круглый стол

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОИСКАХ КОМПРОМИССА МЕЖДУ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЦЕННОСТЬЮ И ТРЕБОВАНИЯМИ РЫНКА

2 октября 2007 г., Москва, МШЭ МГУ

Модератор: Макаров Валерий Леонидович, директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, ректор Российской экономической школы

Основной докладчик: Гловацкая Нелли Григорьевна, Заведующая сектором эффективности социальной сферы Института экономики РАН, к.э.н.

СТЕНОГРАММА

Макаров Валерий Леонидович, директор Центрального экономико-математического института РАН, академик

Уважаемые коллеги! Национальный инвестиционный совет и российская академия наук проводят круглый стол с прекрасным и интересным названием «Российское образование в поисках компромисса между общественной ценностью и требованиями рынка». У нас будет один докладчик, ряд подготовленных выступающих, и дальше в более свободном режиме. Слово имеет Нелли Григорьевна Гловацкая, у вас имеются тезисы ее выступления.

Гловацкая Нелли Григорьевна, заведующая сектором эффективности социальной сферы Института экономики РАН, к.э.н.

В настоящее время восстанавливается понимание самоценности образования, не сводимое к решению узкопрагматических задач. Вопросы формирования экономической динамики, которые возложены практически на образование, вопросы формирования основы прогрессивных социальных образований, вопросы подключения учащихся всех уровней к культурным ценностям, морально-этическим нормам и стандартам, выдвигаются на первый план. Все это способно дать образование. К сожалению, сложилось так, что в 90-е годы практически катастрофическое ухудшение положения науки и образования привело к потере основ экономической динамики и социальных преобразований. Те, кто проводил эту реформу, не учитывали, что динамические факторы развития социально-экономической системы, прежде всего, формируются в науке и образовании. И низкий поклон всему образовательному сообществу, которое спасло и образовательный потенциал в той степени, в какой он здесь остался, и само образование от полного разрушения. Мы имеем то, что имеем, и с этим должны выступать в построении дальнейших преобразований, в построении инновационной экономики. И здесь, в построении инновационной экономики, безусловно, решающая роль принадлежит науке и образованию, прежде всего с позиций формирования интеллектуального потенциала. Я особенно не буду распространяться о том, что потеря интеллектуального потенциала в 90-е годы очень сказалась на развитии нашей страны. В настоящее время знания, умения, человеческий потенциал – все это рассматривается как активы инновационной экономики, без подключения и развития которых невозможно решать никакие проблемы, связанные с экономикой знаний. Нигде не ставится вопрос о том, что образование должно быть подключено не только к формированию инновационной экономики, но и к распределению тех ресурсов интеллектуальной ренты. Между тем, это одна из важнейших проблем, потому что образование является частью инновационной системы, очень активной частью, здесь формируется интеллектуальная собственность, своеобразная, своя, и образование имеет право на распределение интеллектуальной ренты, которая есть в нашем обществе. Эти вопросы требуют дальнейшего обсуждения. Я не буду говорить о том, что

произошло в 90-е годы подробно. Все знают, что был провал, что от развала образование спасло в первую очередь профессиональное сообщество, я буду говорить о том, как нам возрождать образование и какие для этого в первую очередь следует решать проблемы. На странице второй тезисов, которые у всех есть, есть перечень принципов, на которых должно строиться возрождение образования. Я их не буду перечислять, кроме трех. Первый – это доступность, потому что это важнейший принцип развития образования, второй – это непротиворечивые решения экономических и социальных проблем, это очень важный принцип. Если мы вспомним эксперименты, которые проводились в конце 80-х годов в здравоохранении, мы очень хорошо все помним, что там возобладало решение экономических проблем, а решение социальных проблем отошло на второй план, даже в такой отрасли как здравоохранение. Что можно говорить об образовании? Здесь тоже непродуманная политика, отсутствие ориентации на совмещение социальных и экономических задач тоже может привести к плачевным результатам. Еще один важный принцип, который у меня предпоследний, но он очень важный - казалось бы, после того, что произошло в нашем образовании, любые правительственные документы, любые доклады должны были бы начинаться с данных о том, какие накоплены риски после 90-х годов в системе образования, в какой степени эти риски были компенсированы, какова траектория развития образования, совмещается ли эта траектория с минимизацией накопленных рисков и как предупредить новые риски, когда мы выбираем тренд развития образования. Практически ни в одном документе такого подхода нет, а без такого подхода очень трудно общественности подключиться к развитию образования, что должно быть обязательным. Я проанализировала первичные данные по нацпроекту «Образование» и выяснилось, что 70% затрат идет на развитие, 29 % - на минимизацию накопленных рисков. Ничего практически не сказано о том, какие новые риски появляются и как их предупреждать. После того, как к нацпроекту подключили региональные программы развития образования и развития НПО и СПО, подсчеты приблизительно такого же характера, и вероятно, эта линия, на то, чтобы совместить развитие с минимизацией рисков, должна присутствовать. А минимизировать можно что. Например, по имеющимся данным, 35% школ в малых городах и селах находятся в очень тяжелом состоянии, в городах таких школ 20%. НПО развалено и требуется его возрождение совсем на другой основе. Что делается с вузами из правительственной концепции ясно, мы скоро это узнаем, когда студенты будут голосовать ногами. Пока мы тоже точно не знаем. Мы знаем лидеров, а что делается в других вузах, оценить очень трудно. Т.е. эта направленность на совмещение образовательной политики на развитие и минимизацию или предупреждение рисков должна являться краеугольным камнем, проходить основной линией во всех документах.

Теперь следует сказать, что образование, решая в комплексе вопросы узкопрагматические и неузкопрагматические, совмещая реализацию частных и общественных интересов, текущих и долгосрочных, сталкивается с тем, что стратегия его развития должна быть очень четко вписана в стратегию развития страны. Мы все знаем, концепция образования, может быть в какой-то степени, в концепции развития страны есть, но в основном она существует в форме каких-то наметок, поэтому стратегические разработки по образованию, как нам кажется, грешат ошибками, просчетами, хотя много и позитивных моментов. Я хотела бы остановиться на тех проблемах, решение которых требуется в первую очередь не только потому, что от них зависит развитие образования сейчас, а именно потому, что если сейчас их не начать решать, то какие бы прогрессивные преобразования не проходили, без решения этих основных проблем ничего не сделать.

Первая основная проблема – это негативные накопления в кадровом составе образования. И утечка мозгов, и неконкурентоспособность самого образования на рынке труда, и поведение нашего бизнеса - многое способствовало тому, что произошел отток наиболее квалифицированной части из образования. И здесь следует сказать, что когда у нас начинают рассматривать проблему кадров в образовании, она основополагающая, ее обычно куда-то в ресурсное обеспечение отводят, но на самом деле – это основная проблема. Прежде всего, эти исследования велись еще и в 70-х, и в 80-х годах, и доказано, что взаимозаменяемости между квалифицированными кадрами и новыми технологиями не существует. Творческая компонента этих кадров, которая должна быть основой в кадрах образования, все время дает о себе знать. И второе, что нужно иметь в виду - простая переподготовка и переквалификация кадров ничего не дадут, нужны кадры совершенно иной квалификации, иной направленности для развития инновационной экономики, для поступательного развития всей страны и для всех социальных преобразований. Поэтому трудно решить эту проблему простым повышением окладов. Тем не менее, основная задача заключается в том, чтобы сформировать такую политику, чтобы перераспределять квалифицированные кадры из других секторов экономики в пользу образования. В целом можно сказать, что это повышение конкурентоспособности самого образования.

Если эта проблема не будет решаемой, а она будет очень длительно решаться, поднять наше образование на необходимый уровень будет невозможно.

Если мы перейдем к вопросам оплаты труда, то обратим внимание на такую деталь. Если в нацпроекте заложено повышение платы труда для тех, кто переходит на инновационные программы, на инновационный тип образования, что делать с другими учебными заведениями, как им повышать оклады? А на таком уровне окладов и при таком уровне квалификации очень сложно удерживать образование даже в тех рамках, которые сложились. Была программа повышения в 1,5 раза окладов работникам образования на 2006-2008 годы. Всем, кто занимается образованием и пользуется услугами образования, понятно, что это проблему не решает. Нужен коренной перелом в решении задач оплаты труда. Наш заместитель директора института Александр Яковлевич Рубинштейн разработал систему минимальных окладов труда, которые необходимы в образовании, и пришел к выводу, и я целиком поддерживаю его разработки, что минимальная оплата в образовании должна быть на уровне сферы управления. Некоторые другие вещи, о которых я дальше буду говорить, подтверждают такой подход. Не ниже уровня управления – это кадры, которые занимаются творческой деятельностью, это кадры, которые должны рассчитывать на перераспределение интеллектуальной ренты. Это должно быть узаконено, минимальная оплата труда в образовании обязательно должна пройти через какие-то правовые акты. Следующий шаг, это тоже все обосновано, - повышение окладов в 4-5 раз. Это не должно носить какой-то автоматический характер в виде какого-то перераспределения дополнительных фондов и т.д., должны быть созданы какие-то конкурсные условия для того, чтобы занимать должности в образовании, оплачиваемые высоко. Это очень важный принцип. Т.е. необходимо сдавать экзамены. В здравоохранении категории существуют, в других отраслях, и выход на какую-то определенную категорию должен быть завоеван с помощью экзаменов. Это нам позволит поднять квалификацию кадров и привлечь квалифицированные кадры из других отраслей экономики.

Профессорско-преподавательский состав по последним предложениям Фурсенко должен получить годовой уровень доходов 60-80 тысяч долларов, и можно поддерживать эти предложения, если исходить из того, что сами преподаватели в вузах, в лучших вузах, участвуют непосредственно в создании интеллектуальной ренты, и перераспределение этой интеллектуальной ренты должно быть узаконено. Необходимо разработать эту проблему. Вопросы перераспределения ренты в пользу не только высшего образования, но и всей системы образования, должны занять подобающее место и в исследованиях, и в образовательной политике.

Следующая проблема – это катастрофическое отставание в переводе самого образования на инновационный тип. Речь идет не только о том, чтобы формировать лидеров, как это сделано в нацпроекте, речь идет о том, чтобы постепенно все остальные учебные заведения должны подтягиваться к какому-то среднему, а затем более высокому уровню, при этом лидеры появляются новые и т.д., это должен быть процесс, это очень важные вещи. Здесь очень важно обратить внимание, что подход должен быть системным, хотя формируются лидеры во всех учебных заведениях, тем не менее, мы знаем те звенья системы образования, которые требуют не просто укрепления, а восстановления развития перехода совсем на иной уровень – это школы и начальное профессиональное образование. Как я уже говорила, в каждом виде учебных заведений есть свои отстающие звенья, причем очень большие. Здесь возникает такой вопрос – в нацпроекте выбрали инновационные учреждения, выбрали лидеров, их профинансировали, они включены в бюджет на 2007-2008 годы, в 2009 году уже спад идет, если мы посмотрим трехлетний бюджет. Что дальше будет? Каким образом их дальше финансировать? Ответ на этот вопрос для общественности открытый, ответа не дается. А это очень важный аспект, потому что не просто надо поддерживать инновационные учреждения, надо думать и о будущем страны, имея в виду, что мы все-таки в мировой экономике развиваемся, где и кризисы, и спады, и падения. А образовательный уровень, система образования даже в критические для страны времена не должна опускаться ниже какого-то уровня, для этого нужны и резервные фонды, и фонды инноваций и т.д.

Что еще высветил нацпроект? Когда мы писали отзывы на нацпроект, мы обратили внимание на литературу по поводу реализации нацпроекта, и удалось классифицировать те риски, которые сформировались, те упущения и те недостатки, которые были выявлены. Первая группа недостатков связана с недостаточным обоснованием правовых норм, законодательная правовая база отстает от тех инновационных программ, которые заложены в этом нацпроекте. Второе, что выявилось, это как всегда у нас бывают недостатки в поставках и т.д. Третье – низкий уровень менеджеров или полное их отсутствие.

Самая важная проблема – это проблема финансирования. Я не буду говорить о том, как плохо у нас с финансированием, хочу только сказать о коммерциализации образования. Если мы возьмем уровень платности, 57,2% учащихся обучаются на платной основе, из которых 42% - в государственных вузах. Т.е. выровнялось обучение на платной и бесплатной основе. Здесь я опять хотела бы вернуться к тому, о чем говорил Александр Яковлевич Рубинштейн – необходимо внести в правовую базу минимальные гарантии оплаты труда, инвестиции, необходимо вернуть в закон нормы финансирования образования. Такая норма была, потом чиновники ее изъяли. Необходимо обратить внимание на анализ такого показателя как отношение оплаты труда, которое сложилось, к средней оплате труда, к среднему ВВП на душу населения. Обратите внимание, в среднем по странам сотрудничества этот показатель равен 1,3, у нас он по каким-то очень оптимистическим расчетам - 0,65, а по моим расчетам он намного ниже, т.е. необходимо решить законодательным путем многие проблемы финансирования образования, используя зарубежный опыт.

И в заключение я хочу сказать, что новые институциональные образования, которые уже подготовлены или готовятся в образовании, должны проводиться на основе хорошо подготовленных условий. Нацпроект и реализация других проектов показывают, что по-прежнему это наша ахиллесова пята, так же как ахиллесова пята – государственно-частное партнерство, до сих пор не узаконенное, отсутствие социальных экспертиз, отсутствие гуманитарных экспертиз и т.д. Т.е. многое, многое надо решать. Спасибо.

Макаров Валерий Леонидович, директор Центрального экономико-математического института РАН, академик

Слово предоставляется Олегу Николаевичу Смолину, первому заместителю председателя комитета Государственной думы по образованию и науке. Олег Николаевич, пожалуйста.

Смолин Олег Николаевич, Первый заместитель председателя Комитета ГД по образованию и науке

Уважаемые коллеги, я благодарю организаторов круглого стола за возможность выступить сегодня перед вами. Хочу добавить, что помимо работы в Государственной Думе, я еще председатель общественного движения «Образование для всех», что вполне определенно говорит о моей позиции в вопросах образовательной политики. Начать я хочу с того, что в стране продолжают дискуссии рыночников и социальщиков, понятно, что я принадлежу к последним. Я глубоко убежден в том, что образование в значительной мере, если не в основной, должно быть внерыночной сферой, что за счет чисто рыночных механизмов мы не можем решить целый ряд ключевых для образования задач. Я имею в виду подготовку ученого-фундаментальщика, учителя, работника культуры, если это не шоу-бизнес, социального работника и многих других, как раз тех, кто занимается созданием человеческого потенциала, а это, с моей точки зрения, по большому счету самое важное в современном обществе. Но, возможно, полем для компромисса между цивилизованными социальщиками и цивилизованными рыночниками могла бы стать как раз идея о развитии человеческого потенциала и человеческого капитала. Всем присутствующим, я думаю, хорошо известно, что, несмотря на колоссальный экономический рост, человеческий потенциал страны по сравнению с другими государствами падает, и, если мы были 34-ми в 1992 году, 55-ми в 1999, что это за годы вы хорошо помните, то согласно последнему докладу мы – 65-е. Впереди ливийско-арабская джамахерия на 64-м месте, а Куба – на 51-м. Для меня этот отчет был вполне определенен, российская экономическая политика обращена к человеку не лицом, а не будем уточнять чем именно, экономика работает не на человека, экономический рост часто приводит к обратным эффектам. Поскольку, например, по продолжительности жизни, а это ведь интегральный показатель социального самочувствия человека, мы – 114-е, а среди мужчин, как нам говорил Михаил Зурабов, мы даже 136-е.

Но вернемся к образовательному законодательству. Мне довелось быть соавтором практически всех законов, которые действовали в России до печально знаменитой монетизации, причем я берусь утверждать, что российский закон «Об образовании» в обеих редакциях был признан ЮНЕСКО и Европейской ассоциацией образовательного права одним из самых продвинутых в Европе. Этот закон базировался на двух, видимо, это и не понравилось авторам монетизации, основных системах ценностей: с одной стороны это социальные ценности, социальные гарантии для тех, кто учится и учит, исполнялись они очень плохо, но, тем не менее, в законе присутствовали, вторая система ценностей – это ценности демократические, если кому-то больше нравится – либерально-демократические, конечно, не в смысле Владимира Вольфовича Жириновского. Я имею в виду широкие академические свободы для участников образовательного процесса и широкие

экономические свободы для образовательных учреждений. Монетизация покончила и с тем, и с другим разом. Я берусь утверждать, что образовательная политика в современной России – политика и не социальная, и не либеральная. Поэтому в пору, пожалуй, когда мы будем говорить о программе законодательных работ, выдвигать известный китайский лозунг «Вперед назад», восстановим во многом то, что было в законодательстве об образовании, но плохо исполнялось, до принятия монетизации льгот. Теперь позвольте конкретно. Еще хочу сказать, что значительная часть тех законопроектов, о которых я буду говорить, это не абстрактные пожелания, они уже доведены именно до стадии законопроектов, либо поправок к законам, поправок к бюджету и т.д. Вот, по меньшей мере, полтора десятка тех предложений конкретных, которые могли бы стать повесткой дня для будущей Государственной Думы.

Позиция первая. Бюджетные проблемы. Не секрет, и это, кстати, признавал и премьер Фрадков, и это признает руководитель Высшей школы экономики и председатель комиссии Общественной палаты Ярослав Кузьминов, принадлежащий к ярко выраженному либеральному направлению в образовательной политике, что в России сейчас расходы на образование составляют порядка 3,5% от ВВП, в Советском Союзе в 70-х, согласно данным Мирового банка, они составляли 7%, в начале 50-х годов порядка 10%, в развитых странах Европы тоже, как правило, не менее 7%, 7-8%, есть разные оценки, в зависимости от методики расчета. Мне представляется, что мы вполне бы могли вернуть в образовательное законодательство положение о том, что расходы на образование консолидированного бюджета должны быть не ниже 7% валового внутреннего продукта. Откуда эти данные? Выступая перед нами не более двух лет назад, министр образования Андрей Фурсенко и руководитель Федерального агентства Рособразования Григорий Балыхин признавали, что финансирование образования в стране составляет 40% от минимальной потребности. Пусть сейчас чуть-чуть лучше. Если мы поднимем минимум в два раза, то это будет более-менее на уровне хотя бы минимальной потребности. Для сравнения хочу сказать, что в ближайшие три года расходы на образование планируется увеличить примерно на 20%, в 2009 году – всего на 1%. Для сравнения, например, расходы на силовые структуры – на 45% за ближайшие три года. Совершенно очевидно, не хочется употреблять резких выражений, но это политика полицейского государства. Вместо того, чтобы предупреждать преступность, правительство страны по-прежнему намерено бороться с последствиями, порождаемыми его же собственной политикой.

Позиция вторая. Налоговые льготы. Во всем мире они существуют, знаю ситуацию от Южной Кореи до Соединенных Штатов Америки, если будут вопросы, готов рассказать. В России возобладала точка зрения о так называемом равенстве субъектов налогообложения, т.е. равенстве коммерческого и некоммерческого сектора, равенстве бедных с «новыми русскими». Более того, я думаю, мы уникальная и единственная в мире страна, где не богатые делятся с бедными, а бедные делятся с богатыми. Я имею в данном случае не образование, а регрессивную шкалу социального налога, хорошо известную присутствующим в этом зале. Между прочим, в России льготы по образованию и науке восходят еще к Петру I, т.е. не большевики их придумали, если кому-то так не нравится советский период, и повторю, они соответствуют общемировой практике. Отмена налоговых льгот последовательно ведет к тому, что образование становится дороже, платные образовательные услуги становятся значительно дороже. Нужно восстанавливать налоговые льготы. Такие попытки мы не раз предпринимали. Кстати, сравнительно недавно Государственная Дума голосовала очередной мой законопроект, моими соавторами были депутаты всех фракций Государственной Думы, я и единоросов пригласил, правда, они за свой закон не проголосовали, и Сергей Михайлович Миронов был моим соавтором по этому закону, и председатель профильного комитета Совета Федерации Виктор Евграфович Шудегов, и целый ряд других – не помогло. Правительство дало отрицательное заключение, и очередной законопроект был провален. Он существует, его нужно только реанимировать.

Третья позиция. Статус педагога. Здесь уже об этом много говорили. В принципе две возможные версии, не очень отличающиеся друг от друга. Одна версия значилась в прежней редакции закона «Об образовании». Средние ставки в образовании, подчеркиваю – не зарплата, а ставки – выше средней заработной платы в промышленности. Такова была концепция закона «Об образовании» еще с 1992 года. Другая позиция была озвучена сегодня – минимальные ставки педагогических работников должны быть сопоставимы с государственными служащими. Уверен, что это вопрос решаемый, хотел бы напомнить, что коллеги из фракции «Родина» - «Справедливая Россия» считали расходы, порядок расходов такой – 444 млрд. приблизительно, можно было вводить этот закон не сразу, а поэтапно, пусть нельзя это сделать в один год. И никто мне не докажет, что закон не реальный. Я хотел бы напомнить, уважаемые коллеги, что у нас самих 20 лет назад ставка депутата парламента и ставка

профессора были одинаковы – 500 рублей. Сейчас разница в заработной плате профессора и депутата – раз в 6, если не больше. Если говорить о международном опыте, то я наблюдаю за ситуацией, скажем, в Соединенных Штатах Америки, заработная плата американского профессора вполне сравнима с заработной платой американского конгрессмена, и это правильно, потому что и то, и другое требует высоко квалифицированной работы.

Позиция четвертая. Обязательное среднее образование. Недавно государственная дума приняла такой закон, предложенный Правительством, к сожалению, правильная, хорошая идея была полностью профанирована. Вместо того, чтобы поставить вопрос о создании каждому ребенку условия для получения полного среднего образования, всю проблему свели к тому, чтобы заставить якобы 50 тысяч детей, которые не получают образования, не продолжают образования после 9 класса по данным Правительства, заставить их это образование продолжить. Но при этом, на самом деле сколько в России детей не учится, никто не знает. Общественная палата говорит – миллион детей. Генеральная прокуратура недавно озвучивала цифры – 1 900 000, а если вы сравните ответы самого же Правительства на вопрос комитета ООН по правам ребенка, разные ведомства давали ответы, то разница в числе детей в возрасте 7-15 лет и разница между детьми в 1-9 классе составит 2,3 млн. человек. Недавно Министр образования обиделся на мой вопрос, сказал – нельзя так считать, потому что есть дети, которые до первого класса пошли, конечно, есть, но это такая погрешность, которой по большому счету можно пренебречь. Просто мы до сих пор не знаем, сколько же на самом деле детей находится вне школы. Затраты на этот закон должны были составить, по оценкам Общественной палаты, порядка 30-40 млрд. рублей. Правительство написало в пояснительной записке – не требует расходов. Комментарий, как говорится, излишни.

Далее, уважаемые коллеги, позиция номер пять. Позиция, связанная со здоровьем детей. В частности, между прочим, с их питанием. По нашим оценкам, для того, чтобы на паритетных началах Федерация и субъекты наконец обеспечили детей нормальным горячим питанием нужно из федерального бюджета примерно 15 млрд. рублей плюс столько же из бюджетов субъектов федерации. Все поправки и законы на эту тему были провалены в Государственной Думе. Законопроект такого рода есть.

Шестое. Учебная литература. По оценке ведущих издательств, примерно половина учебников в России морально устарели. Хорошо, что мы внедряем Интернет, но школа с Интернетом, но без учебников уподобляется гражданину в шляпе и, пардон, без брюк. Затраты на учебное книгоиздание по нашим оценкам порядка 12 млрд. рублей, законопроект на эту тему есть, и недавно сравнительно провален Государственной Думой, большинством Государственной Думы, не всеми, конечно, фракциями.

Седьмая позиция. Бюджетные учебные места для студентов. Мы слышим, это чистая правда, что Россия по общему количеству студентов занимает одно из лидирующих мест в мире, при этом как-то забывают сказать, что

а) в 1980-м году мы имели 221 бюджетное место на 10000, сейчас порядка 206;

б) в последние три года происходит сокращение бюджетных мест примерно на 25%. Не думаю, что это расширяет доступ к образованию. Конечно, нам говорят, что происходит сокращение населения, но все-таки население сокращается не на 25% за три года, слава богу, а примерно на полпроцента в год.

Восьмое. Стипендии. На конференции в субботу, которую мы проводили с Александром Евгеньевичем Лебедевым, с Сергеем Михайловичем Мироновым, Иваном Ивановичем Мельниковым, вторым почетным председателем конференции был академик Жорес Иванович Алферов, я заявил, что в России создаются системы образовательного апартеида. Сейчас нет времени подробно останавливаться на этом, хочу привести элементарный пример, уважаемые коллеги. 20 лет назад стипендия студента вуза от прожиточного минимума составляла 80%, сейчас примерно 22%. 20 лет назад стипендия учащегося ПТУ с учетом того, что ПТУ – это семьи социально-неблагополучные, тоже составляла 80%, сейчас – 7,5%. Чем ниже уровень дохода родителей, тем больше падение поддержки со стороны государства.

Девятое. Дополнительное образование. Нами подготовлен законопроект о дополнительном образовании, он находится на заключении Правительства, мы убеждены абсолютно, что в рамках только школы невозможно обеспечить многосторонне развитие личности ребенка – это первое. Второе – мы единственная страна в Европе, насколько мне известно, которая не приняла закон об образовании взрослых, а ООН и ЮНЕСКО не случайно выдвигают лозунг «Вместо образования на всю жизнь – образование через всю жизнь». Цена вопроса – порядка 18 млрд. рублей, всё мы более-менее просчитали.

Десятое. Специальное образование, образование лиц с ограниченными возможностями здоровья. Уважаемые коллеги, опять же никто не знает, сколько у нас точно людей нуждается в таком образовании, по оценкам ЮНЕСКО примерно 17%. В России порядка 200 тысяч детей-инвалидов вообще не учатся, это не только негуманно, это не только античеловечно, это сверх всего прочего недопустимая растрата человеческого потенциала. По некоторым оценкам, до четверти нобелевских лауреатов могли бы быть отнесены к людям с ограниченными возможностями здоровья. Ограниченные возможности здоровья не означают ограниченных возможностей духа. Поэтому мы подготовили такой законопроект, он находится на заключении Правительства, не вспомню сейчас с ходу цену вопроса, но примерно менее 10 млрд. рублей. Я убежден, что отдача в виде налогов будет впоследствии больше, потому что даже расчеты Высшей школы экономики показывают, например, что отдача от подготовки студентов с ограничениями слуха в Бауманском университете превосходят затраты на этих студентов. Люди становятся нормальными инженерами, платят налоги и т.д.

Одиннадцатое. Образовательные стандарты. Сейчас в Государственной Думе находится закон о государственном образовательном стандарте, к сожалению, закон, с моей точки зрения, угрожает разрушить единое образовательное пространство страны. Стандарты не касаются никак содержания образования. Если закон будет принят, каждая школа сможет учить в принципе чему хочет и как хочет, но потом натаскивать на единый государственный экзамен, о котором я скажу чуть позднее. Цена закона об образовательных стандартах, с учетом того, что предполагается стандарт не только на программы, но и на условия, если он на самом деле будет введен, тоже составляет порядка 25 млрд. рублей и укладывается в то увеличение расходов на образование, о котором я говорил в самом начале.

Теперь несколько слов о тех законах, которые не требуют больших финансовых затрат.

Позиция двенадцатая. Единый госэкзамен. О нем сказано уже так много, что повторять не хочется. Могу сказать только одно – с моей точки зрения, система единого госэкзамена в России абсолютно не вписывается в характер общества и отечественной традиции. Достаточно сказать следующее – в Соединенных Штатах Америки, в американской системе ЕГЭ направлен на формирование человека потребительского общества. Пришел в магазин, выбрал один из нескольких товаров, как угадал один ответ из нескольких предложенных в рамках теста. У нас нет потребительского общества в этом смысле, как нам всем известно, и, кроме того, как мне представляется, мы не можем согласиться с Министром образования, который заявил, что задача российского образования – растить квалифицированных потребителей, способных пользоваться плодами творчества других. Мне кажется, задача российского образования ровно обратная – развивать творцов. Иначе в противном случае придется потреблять неведомо чьи результаты неведомо чьего творчества. Мы подготовили законопроект и внесли его – о добровольности ЕГЭ, о праве ребенка на выбор в какой форме ему сдавать вступительные и выпускные испытания – либо в традиционной форме, либо в этой существующей форме. Убежден, что это абсолютно правильно, в противном случае, скажу жестко – если мы будем насильственно насаждать ЕГЭ, попытка превратить страну в поле чудес сделает ее страной дураков.

Тринадцатая позиция. Отсрочки. Государственная дума законом сократила отсрочки, особенно для ребят, которые учатся в ПТУ и СУЗах, опять же, больше это ударило по детям из семей с невысокими доходами. Я думаю, нам нужно вернуться к той системе, которая была до принятия этого законодательства.

Четырнадцатое. С моей точки зрения, крупной ошибкой Государственной Думы было принятие закона об автономных учреждениях, который фактически открывает дорогу приватизации в образовании, и, с другой стороны, делит все образовательные учреждения на две категории: у первых есть бюджетные гарантии, пусть очень слабые, но нет свободы, вторым дали какую-то свободу, но лишили всяких бюджетных гарантий. Нам представляется, что нужно вернуть и свободу, и бюджетные гарантии, как это было в законодательстве до монетизации.

Последнее, пятнадцатое. Образовательный кодекс. Сейчас очень активно обсуждаются вопросы образовательного кодекса, я думаю, это правильно. Единственное, что образовательный кодекс не должен подменять собой других направлений образовательного законодательства. Повторю еще раз, у нас есть большинство законопроектов по темам, о которых я сегодня говорил. Нужна только политическая воля и такой состав государственной думы, который будет за эти законы голосовать. Спасибо.

Макаров Валерий Леонидович, директор Центрального экономико-математического института РАН, академик

Спасибо, Олег Николаевич. Очень информативно, четкая позиция по всем вопросам. Спасибо Вам большое. Слово – Александру Евгеньевичу Лебедеву.

Лебедев Александр Евгеньевич, президент НИС, депутат Государственной думы

Олег Николаевич, спасибо. По существу Вы тему исчерпали не только крайне профессионально, но и подчеркнув, что жизнь нашей вскоре заканчивающей свое существование IV Государственной думы характеризовалась тем, что о многих из вещей, о которых вы сегодня сказали, я просто ничего не знаю, хотя, я надеюсь, что я не самый плохой, но и не самый хороший депутат. Попытаюсь оправдаться, сказав, что по существу Государственная Дума низведена до следующего существования – практически все 100% основных законов пишутся исполнительной властью, кстати, если вы пытаетесь отыскать кто конкретно, у вас это не получится, как правило, а затем квалифицированное большинство делает вид, что происходит какое-то обсуждение, хотя на самом деле мы все понимаем, что Госдума не место для политических дискуссий. Результат налицо. По существу, я бы подписался под всеми законопроектами, которые Олег Николаевич упомянул, могу только пожалеть, что после вчерашних событий на съезде «Единой России» сегодня за день «Справедливая Россия» и КПРФ не объединились, чтобы создать ту самую «вторую ногу», социал-демократическую. Я на конференции в субботу выступал по единому госэкзамену, по существу с очень критическими замечаниями. Я опубликую в ближайшее время статью на эту тему в одной из центральных газет, не буду повторяться, тем более, Олег Николаевич кое-что про ЕГЭ сказал, к числу его недостатков относится как разделение детей на умных и глупых, хороших и плохих, так и то, что там есть масса способов для того, чтобы подделывать результаты госэкзамена. По существу, как всегда, исполнение, как и в случае с монетизацией льгот, было из рук вон плохое. Напомню, что по монетизации, с моей точки зрения, Правительство в лице Министра здравоохранения попыталось перепрыгнуть пропасть на 99%, специально оставив тему дополнительного лекарственного обеспечения, которая, кстати, в случае монетизации довольно немалые деньги предоставила в руки тех, кто нуждается, но они даже не посчитали, сколько этих нуждающихся. До сих пор в Минздраве гуляет цифра от 12 до 15 миллионов человек для дополнительного лекарственного обеспечения. Этот пример наиболее характерный, 122-ой Закон, еще 131-ый – органы местного самоуправления, которые по существу исчезли в результате этого закона в Москве и Санкт-Петербурге, и 17-ый закон по ЕГЭ, и вообще со всем, что касается образования, вы прекрасно сегодня познакомились. Но из того, что внушает хоть какой-то оптимизм, это то, что мы ведем такие дискуссии. Мне, например, на Украине хотелось бы работать в Государственной Думе, которая не знает, чем она будет заниматься, сама в законотворчестве не участвует, контроля за исполнительной властью никакого не имеет, и вообще, даже с точки зрения прохождения законов через Государственную думу, она бесправна. Нет смысла никакого в такой законодательной ветви власти, и отсюда возникает идея о внепартийной идейной дискуссии. Поэтому моя задача сегодня была больше слушать, я на эту тему специалистом, безусловно, не являюсь, но хорошо бы, чтобы к концу ноября мы отыскивали, хотя мы не собираемся делать научные открытия, лучшие законы, которые описывали бы те или иные блоки и проблемы нашего общественного развития, и может быть, попытались хотя бы для себя, за пределами Государственной Думы, на уровне общества и экспертного сообщества представить, чем и как Государственная Дума V созыва могла бы нам помочь в решении тех острейших проблем, которые стоят перед обществом и в сфере образования, и в сфере культуры, науки и здравоохранения, и, естественно, экономической политики. Спасибо.

Макаров Валерий Леонидович, директор Центрального экономико-математического института РАН, академик

Спасибо, Александр Евгеньевич. Сейчас мы непосредственно переходим к формату круглого стола, что означает, что большинство пришедших на него должны как-то выступить с комментариями или более развернутыми сообщениями. Установим регламент не больше 5-10 минут. Хотелось бы, чтобы присутствовала обозначенная в названии круглого стола тема «Поиски компромисса между общественной ценностью и требованиями рынка», требования рынка – это одно, от образования требуется общественная полезность - это другое. Я хотел бы коснуться трех аспектов, относящихся к этой проблематике, и хотел бы получить реакцию от участников круглого стола.

Мы под руководством Руслана Семеновича написали большой труд – «Стратегия развития России до 2015 года», это обширный труд там эти аспекты обозначены.

Пункт номер один – нам нужно стремиться к тому, чтоб в России было пусть небольшое число, назовем их университетами, университетов мирового уровня. Это не обязательно крупные

университеты типа МГУ, может быть даже и относительно небольшие, но мирового уровня, которые дают качество мирового уровня, но чтобы это сделать, должна быть определенная свобода. Для того, чтобы университет был мирового уровня, он должен быть свободен и профессора должны себя чувствовать так, как в Гарварде, Оксфорде и т.д. Т.е. это в каком-то смысле оазис для профессорской и студенческой деятельности, но с этого надо начинать. Пункт номер один относится к общественной ценности.

Второе – это рынок. А требования рынка? На самом деле, должна быть социальная ответственность крупных корпораций. Это означает, что под их патронажем, необязательно быть частью этой корпорации, но под их патронажем должны создаваться корпоративные университеты. Корпоративный университет – немножко отличающийся от стандартного университета тем, что там готовят людей с высшим образованием именно для рынка, т.е. они по определению будут востребованы рынком. И эти самые бакалавры, на которых многие тут наезжают, на самом деле они могли бы быть основой для корпоративных университетов, которые доводили бы это до нужной стадии. Там могли бы быть и колледжи, и ПТУ, но такого типа институты – это то, что именно должно быть востребовано рынком. Корпоративных университетов, у нас, к сожалению, нет. А во Франции, например у компании Томпсон – корпоративный университет этой компании, туда все стремятся попасть и получить этот диплом совсем не для того, чтобы работать в этом Томпсоне, а потому что это образование мирового уровня.

Третий пункт – это то, чего у нас точно нет в России – квалифицированный, умный рынок рабочей силы. Должен быть рынок рабочей силы. Люди, корпорации, малый бизнес, кто угодно, должны покупать рабочую силу на рынке. Но рынок – это очень тонкое образование, которое мы недостаточно понимаем. Я работаю в Российской экономической школе, наши спонсоры требуют покупать профессоров на мировом рынке. Это жутко сложное дело, покупка может быть чуть ли не пятилетним процессом, это может быть даже трехсторонний договор, по которому только через пять лет к тебе поступает тот специалист, которого ты затребовал. Причем это настоящий рынок рабочей силы, но это во всех странах еще недоделанная вещь, но в России – особенно.

Вот эти три пункта – мирового класса университеты, корпоративные университеты и настоящий рынок рабочей силы – хотелось бы, чтобы кто-то из следующих выступающих коснулся этих проблем.

Давай продолжим.

Воронков Лев Сергеевич, профессор МГИМО, заведующий магистратурой зарубежного регионоведения.

Будучи международником, мне хотелось бы поднять вопрос о международной части этой большой проблематики и, видимо, о необходимости законодательного обеспечения участия России в этих международных проектах. Прежде всего, хотел бы сослаться на один пример – когда после 11 сентября в Соединенных Штатах резко сократилось поступление иностранных студентов для обучения в американских вузах, пресса подняла большой шум, указывая, что, если количество зарубежных студентов будет сокращаться, то это будет угрожать технологическому лидерству Соединенных Штатов. Потому что, по подсчетам, примерно 50% открытий и технологических нововведений в американской экономике делается иностранными студентами, обученными в американских университетах. Я думаю, что комментировать не надо, просто надо запомнить эту цифру. Второе – естественно, учитывая разрыв, который существует между Соединенными Штатами и Японией, с одной стороны, и Европейским Союзом, с другой стороны, Европейский Союз приняла Лиссабонскую стратегию, частью которой является превращение системы образования в конкурентоспособную систему, чтобы они могли какую-то часть этих потоков отвлечь на себя. Вы знаете многочисленные программы, я тоже перечислять их не буду, суть в данном случае не в этом. Россия подписала Болонскую конвенцию, доля России на мировом рынке образовательных услуг – сотая доля процента. Я уж не говорю о том, что это колоссальные средства, которые можно получать за счет, в общем-то, далеко не самого последнего образования, которое есть в России. Потенциал громадный. С помощью Благотворительного резервного фонда мы проводили международные студенческие школы, после этих школ громадный интерес к тому, что делается в МГИМО, поток людей, которые желают приехать посмотреть, учиться. Готовы ли мы к тому, чтобы их принять? Здесь возникает масса проблем, с которыми я сталкиваюсь, и которые законодательно никак не проработаны. Скажем так, люди в рамках Болонского процесса могут учиться в одном университете, пройти курс в другом, и все это должно быть в едином дипломе. При наличии российского государственного стандарта, позвольте, как я могу включить курсы, которые этот студент прошел в другом университете в наш государственный

диплом? Колоссальная проблема, практически неразрешимая на сегодняшний день, так как законодательно никак не проработана. Кстати, я еще хотел бы обратить внимание на вопрос, опять-таки связанный с международной частью этой проблематики, которую мы обсуждаем.

На сегодняшний день, образовательная деятельность внутри страны и за рубежом это не только подготовка квалифицированных кадров для зарубежных стран. Это подготовка кадров и для собственной экономики. По существу, это должно стать частью разумной продуманной иммиграционной политики Российской Федерации с учетом того демографического положения, в котором она находится. Вопрос – как людей, которые приезжают к нам получить это образование, как их привлечь, чтобы они остались здесь, работали и т.д., не только из слаборазвитых стран, но и из других стран. Есть ли какая-нибудь законодательная в этом отношении база для того, чтобы вообще в практическом плане рассматривать этот вопрос. Я думаю, пока она настолько слаба, что в практическом плане говорить об этом не приходится. Наши вузы выдают дипломы государственного стандарта. Более того, мы столкнулись в этом году с ситуацией, когда у меня за магистратуру люди имеют средний балл 5, защита диссертации магистра – отлично, лучшей признает ее замминистра иностранных дел, возглавляющий комиссию, а мы не можем этому человеку дать диплом с отличием, потому что он получил где-то на предыдущей стадии 4 по какой-то дисциплине. В результате получается параллель – человек, заканчивающий математическую школу, не может получить диплом с образованием, потому что у него тройка по пению или рисованию в первом классе, это абсолютный парадокс, мы не в состоянии создать конкурентоспособную среду, руководствуясь подобными нормами не изменяя этой ситуации, я думаю, что мы не сможем войти в Болонский процесс и превратить потенциал нашей конкурентоспособной системы в реально работающий механизм.

Далее. Приезжают люди к нам. Естественно, большинство из них пока русского языка не знает. Необходимо создать, видимо, учебные курсы на иностранных языках, прежде всего, на английском языке. Читаю я лекцию на русском или английском языке, пока, если у меня нет каких-то дополнительных возможностей в рамках данного университета, я получаю ту же заработную плату. Это нормально? Я думаю, нет. Что для этого нужно сделать? Я думаю, что тоже можно было бы подумать в законодательном плане как это можно обеспечить – возможность и заинтересованность профессорско-преподавательского состава вести подобные курсы, в том числе и на иностранных языках.

Я думаю, что когда мы размышляем о законодательных инициативах внутри страны, нам следует соотносить эти законодательные инициативы с необходимостью участия Российской Федерации в мировом образовательном процессе. Если мы этого делать не будем, то мы будем гордиться как бы лучшей системой образования в мире, но абсолютно оторванной от того, что делается на мировом рынке. Спасибо

Макаров Валерий Леонидович, директор Центрального экономико-математического института РАН, академик

Лев Сергеевич, вы очень правильно сказали по поводу того, что продавая образовательные услуги на мировом рынке, мы можем зарабатывать денег не меньше, чем нефтью и прочим. И нам надо как-то достучаться до власти, что здесь речь идет о миллиардах, десятках миллиардов долларов, плюс еще всякие экстернальные вещи – русский язык и т.д. Продавая наши образовательные услуги всему миру, мы станем лидерами. Но это надо достучаться, если это на 20-х местах по приоритету. Нам надо всем объединяться

Рубин Юрий Борисович, ректор Московской финансово-промышленной академии

Спасибо большое за приглашение принять участие в круглом столе, хочется, чтобы он в итоге был без острых углов, чтобы он был круглым. Я хотел бы обратить внимание на слова чрезвычайно уважаемого в ректорском корпусе России Олега Николаевича Смолина о делении на социальщиков и рыночников, я хотел бы выступить как практикующий социальный рыночник. Я хотел бы сказать о том, что тематика компромисса между общественной ценностью и требованиями рынка может быть интерпретирована и иначе – ценность, вообще говоря, это рыночная категория. В этом смысле, мне кажется, с одной стороны, может быть, есть смысл поискать компромисс, а с другой стороны, можно рассмотреть ценность как рыночную категорию, а рынок – как категорию, где создаются и производятся ценности разнообразные. Образование, несомненно, это ценность, и несомненно, что образование все-таки развивается в условиях рыночных отношений, и, следовательно, как мне кажется, стоит подходить к пониманию ценности образования именно в контексте рынка. Например, такие институты как государственные гарантии – очень трудно принять государственные гарантии,

которые должны быть по идее инструментом государственной политики, и вообще гарантии, которые должны быть инструментом политики в сфере образования в отрыве от того, что образование развивается на рынке образовательных услуг. Рынок – это реальность, и разговор о заработной плате для преподавателей вузов – это тоже отзвуки рыночных представлений, потому что деньги – это тоже атрибут рынка.

Если рассматривать в единстве ценности и требования рынка, то есть ряд вещей, которые с моей точки зрения целесообразно здесь обозначить, и возможно, они станут объектом дальнейших исследований и, возможно, объектом деятельности Государственной Думы нового созыва. Я опять сошлюсь на слова Олега Николаевича Смолина, он назвал как бы два типа вузов – вузы, которые являются государственными в полном смысле этого слова, и вузы, которые являются автономными учреждениями, которые могут таковыми стать, если воспользуются «замечательным» законом об автономных учреждениях. Я хочу сказать, что еще есть третья категория вузов, которые называются негосударственные вузы. Это такая очень интересная категория, интересная тем, что порой как бы вузы, которые представлены в России, делятся на самом деле на две категории. Первая категория – это вузы, а вторая категория – негосударственные вузы. Часто и законодотворчество, и различные исследования исходят из того, что исследования относятся к вузам, но никакого отношения не имеют к негосударственным вузам.

Проблема старения кадров, это отчасти проблема макроэкономическая, но отчасти это проблема плохого менеджмента в большом числе государственных вузов - плохой ректор, а вокруг него не очень хороший профессорско-преподавательский состав. А есть вузы, в которых средний возраст составляет 40-50 лет, в которых действуют докторские советы, это нормальная реальность сегодняшнего дня.

Многое из того, что здесь сегодня звучит, в этом же контексте – как сделать вузы конкурентоспособными? Есть ли такой государственный орган, который сделает российскую систему образования конкурентоспособной? Я думаю, что такого органа не существует - ни Госдума, ни уважаемый Андрей Александрович Фурсенко при всем желании, если таковое там обнаружится, конкурентоспособным российское образование не сделают, ибо конкурентоспособное образование – это конкурентоспособные вузы во главе с конкурентоспособными ректорами вузов и конкурентоспособной инфраструктурой российского образования, начиная с конкурентоспособного законодательства. Если дать возможность конкурентоспособным людям развивать свои конкурентоспособные вузы, то, наверное, Россия выйдет на международный уровень. Но если при этом будет слабая инфраструктура, скажем, законодательная инфраструктура, то, наверное, сделать это будет невозможно, какими бы призывами мы не руководствовались. Приведу пример – сегодня в мире есть мегауниверситеты, в которых обучаются от миллиона и более студентов. Эти мегауниверситеты, которые активно занимаются экспортом образования для своих родных стран, стран своей юрисдикции. Именно эти страны занимаются таким образовательным империализмом, проникая везде, в том числе и в Российскую Федерацию. Если «наш ответ Чемберлену» – нет, то почему? Потому что у нас такая законодательная база, потому что у нас существуют, во-первых, лицензионные нормативы, которые делают невозможным создание вуза, легальное создание вуза, где более 100 тысяч студентов, ибо на каждого студента надо 17 метров площадей. Если студент учится в системе дистанционного обучения, электронного обучения, учится из дома, ему никакие метры вообще не нужны ни для чего. Зачем ему эти метры, для чего? Коллеги, я хочу сказать, что сегодня в России действуют университеты из разных стран, только из Австралии здесь работает 7 университетов, в которых учится порядка 15 тысяч студентов. Австралия – не самая престижная страна с точки зрения получения образования, но можно без проблем учиться в американских университетах и получить американский диплом, который котируется во всем мире. Это к вопросу об утечке мозгов, вот они туда и будут утекать, потому что это очень просто на самом деле.

Далее. Кого поддерживать? Поддерживать лидеров. Но откуда берутся лидеры? Лидеров можно назначить, и они станут лидерами. Упомянувшийся уже конкурс нацпроектов – будем реалистами, это все-таки был конкурс не инновационных проектов, а конкурс брэндов. Ни одного вуза, который сегодня находится на переднем крае инновационных технологий в образовании, который занимается раскруткой, к примеру, электронного обучения, не стал победителем конкурса нацпроектов. Ни один, ибо ни один из них, уровня самого высокого, не является брэндом. Вузы, которые известны за рубежом, но они не являются брэндами сегодня здесь, у нас в России. Знаете, можно назначить лидеров и потом этих лидеров поддерживать, а можно, вероятно, действовать как-то иначе.

Ответственность вузов. Я хотел бы сказать, коллеги, о том, что тезис о социальной ответственности я понимаю таким образом – бизнес несет ответственность перед обществом, в том

числе и перед сферой образования. Но и образовательные организации несут ответственность перед бизнесом. И государство должно нести ответственность перед теми и другими. Ибо если государство не несет никакой ответственности, а только является получателем различных благ, то, наверное, это не будет частно-государственное партнерство. Частно-государственное или государственно-частное партнерство, все равно как его называть, почему-то сводят часто к тому, что работодатели, предприниматели должны вкладываться в образование, поддерживать вузы. Понимаете, есть другие формы частно-государственного партнерства, например, упоминавшийся здесь Гарвард, между прочим, это не государственное образовательное учреждение, это акционерное общество, которое активно поддерживается государством, американским государством. Более того, казалось бы, вуз не государственный, платный, все там платное, но половина студентов Гарварда, это все знают, обучаются за счет грантов, за счет стипендий, за счет различных форм поддержки со стороны американского государства. Это нормально. Платное и бесплатное обучение, по-моему, это не очень корректно, все обучение платное, просто кто плательщик, кто платит? И эта плата должна быть внятно определена, за что платят деньги вузу. Государство сегодня выступает и как арбитр и как игрок в этом самом образовании. Понятно, есть у нас бюджетный кодекс, по которому можно финансировать только студентов бюджетных государственных вузов. Федеральный бюджет – деньги только в федеральные вузы. Это деньги берутся из налогов, которые платят негосударственные вузы. Замечательная конструкция! Это к вопросу о рынке, о конкуренции и понимании ценностей. Есть государственные вузы и негосударственные, одни платят налоги, другие не платят налоги, из налогов, которые платят одни, поддерживают других. И объясняют – а у нас такой бюджетный кодекс. Вопреки всякой логике антимонопольного регулирования, которое существует во всем мире. Правильно это или неправильно? Я думаю, что это неправильно.

Коммерциализация образования. Ужасный термин. Когда говорят «коммерческие вузы» - это что-то ужасное, потому что коммерция это все-таки торговля, вузы не торгуют ничем. Хотя есть такие вузы, которые сродни коммерческим структурам, коммерческим палаткам. Наверное, такие вузы тоже есть, и это тоже, видимо, реальность. Но, тем не менее, все вузы действуют в условиях этой рыночной специфики. Каким будут эти отношения рыночные - извращенные, как это было раньше, или такие либерально- экстремальные отношения, как сейчас. Сейчас такое впечатление, что рынок, который есть в образовании – это смитово-рекордианский рынок, так называемой свободной конкуренции. Свободная конкуренция означает, что она свободна от каких-либо ограничений.

Поэтому, коллеги, мне представляется очень важным, во-первых, сам факт обсуждения за круглым столом с привлечением самых разных заинтересованных сторон. Мне думается, что ряд позиций, которые обсуждаются - вопросы конкурентоспособности, вопросы об организационно-правовых формах, вопросы о поддержке тех или иных вузов и о назначении или критериях выделения ведущих вузов и поддержки их, вопросы социальной ответственности, сводятся к вопросу о роли государства – что есть государство в российском образовании? Заинтересованная сторона – да, но как этот интерес проявляется? Интерес арбитра, чтобы все было честно, справедливо во имя реализации государственных интересов, во имя национальной идеи или во имя совершенно иных целей, которые ничем не обоснованы и ничем немотивированны. Я хочу обратить внимание, я здесь вижу трех ректоров, включая себя, негосударственных вузов, и не вижу ни одного ректора государственных вузов, что, видимо, не совсем правильно. Спасибо.

Смолин Олег Николаевич, Первый заместитель председателя Комитета ГД по образованию и науке

Я виноват в том, что не перечислил всех проблем, которые нуждаются в законодательном регулировании, я их назвал 15, на самом деле мне нужно было называть, как минимум, еще пять. Две проблемы сейчас обозначены: одна проблема, действительно, регулирование негосударственного образования в Российской Федерации. Я хотел бы напомнить, что в законе 1992 года содержалась позиция, согласно которой негосударственные учебные заведения, аккредитованные, доказавшие качество работы, пользовались правом финансирования по нормативам наряду с государственными. И я думаю, что при современных возможностях бюджета нам пора было бы вернуться к этой схеме. Второе, что касается электронного обучения. Действительно, мы оказываемся в седьмом десятке стран по этому показателю. Действительно это одно из важнейших направлений современного развития, мы имеем специальный совет при комитете в Государственной Думе по этому поводу, к сожалению, очень трудно идут все шаги в этом направлении, хотя пять лет назад мы приняли первый закон, хоть как-то легализующий телекоммуникационные образовательные технологии в Российской Федерации. Поэтому хотя я не сказал о целом ряде проблем, это не значит, что мы их не знаем, по некоторым даже

есть законопроекты, в частности, касающиеся проблем негосударственного образования, мы проводили специальные общественные слушания в Государственной Думе. Спасибо.

Макаров Валерий Леонидович, директор Центрального экономико-математического института РАН, академик

Вообще, Юрий Борисович, сейчас мы сидим в здании, которое нам подарил спонсор, две школы – Московская школа экономики и ВШГА, и я думаю, не все разделяют ваше мнение о том, что спонсорская поддержка образования это плохо. Слово предоставляется Александру Яковлевичу Рубинштейну, который уже упоминался главным докладчиком.

Рубинштейн Александр Яковлевич, первый заместитель директора института экономики РАН, Заведующий кафедрой экономики школы-студии МХАТ, профессор Московской школы экономики, доктор философских наук

Я специально напомнил, что я заведующий кафедрой экономики школы-студии МХАТ, потому что, наверное, не все знают, что Школа-студия МХАТ, являясь ведущей мировой школой, очень давно продает свои образовательные услуги за рубеж. Более того, годовые доходы только от одной американской группы составляют примерно три государственных бюджета всей Школы. Примерно такая же ситуация с Московской государственной консерваторией, примерно такая же ситуация с Гнесинским институтом. Я назову еще несколько гуманитарных высших учебных заведений, для которых доходы от продажи образовательных услуг могли решить очень многие проблемы, если бы не законодательство. Сегодня возникает такая ситуация, что Школа-студия МХАТ не может воспользоваться даже 20% тех доходов, которые она получает от продажи своих услуг. Консерватория не имеет и 10% и т.д. Сегодня законодательство, скажем так, ставит жуткую стену, которая не позволяет получить эти доходы и фактически дестимулирует подобную деятельность. Мне тоже кажется, что продажа образовательных услуг могла бы быть большой статьёй дохода, именно экспортной, но настоящее законодательство к этому абсолютно не приспособлено. Это первое. Второе – я хотел бы вслед за Валерием Леонидовичем тоже обострить тему, обозначенную в рамках круглого стола относительно компромиссов, поисков компромисса между рынком и общественной ценностью, тем более, что те реформы, которые происходят сегодня – ЕГО, ГЕФО, Болонский процесс заставляют думать, что такой компромисс Правительство видит лишь в рамках определенного направления. Наверное многие слышали об этом, в дискуссиях по поводу образования, в различных круглых столах, конференциях очень часто используется следующий тезис, я его произведу в чистом виде – если подсчитать валовый внутренний продукт на душу населения России и Бразилии, то окажется, что мы находимся примерно на одинаковом уровне. Если посмотреть уровень образования Бразилии и России, то выясняется, что в России, конечно, намного выше уровень образования. Возникает простой ответ у очень многих экономистов и даже в стенах Российской академии наук - это означает, что российское образование крайне неэффективно, потому что оно не обеспечивает более высокого уровня доходов. Отсюда всевозможные следствия, и отсюда возникает тот компромисс, я бы назвал его компромиссом по Кузьминову, который имеет место в ряде образовательных программ, и, кстати, который недавно прозвучал, не знаю, все ли об этом знают, что примерно дней десять назад в докладе в Общественной палате был сделан доклад по образованию «Инвестиции в будущее России», где абсолютно выстроенная программа компромисса в сторону рынка. Совершенно очевидно, раз у нас избыточное образование, значит, это образование необходимо сокращать, отсюда необходимо уменьшать число образовательных учреждений, поддерживаемых государством и т.д. Кстати, я бы здесь тоже хотел включиться в дискуссию с ректором Рубинным, по поводу конкуренции за общественные ресурсы между государственными и негосударственными вузами. Мне кажется, это ситуация бесконечно искусственная и неверная, потому что, если бы такая конкуренция могла быть, то вообще не надо создавать государственные вузы. Ведь государственные вузы, государство как учредитель создает только потому, что рынок не в состоянии решить эти проблемы. Если организация, частные лица, не важно кто организует соответствующее образовательное учреждение, то это происходит на собственный страх и риск. Конкуренция между ними может быть, но только за студентов, а не за бюджетные ресурсы. Предпоследний тезис, который я хотел бы выдвинуть – это все-таки о другой возможности компромисса. Я понимаю, что если бы речь шла не о России, а о какой-то стране, где уровень образования сложился традиционно крайне низким. Тогда действительно имела бы место дилемма, которую сегодня ставят экономисты. Да, мы имеем противоречие между слабо развитой экономикой и развитой системой образования. Как решать эту проблему? В какую сторону может идти компромисс? Одно направление, я еще раз говорю, предлагалось правительством и предлагается в

разных реформах – это депримиализация труда и в этой связи понижение уровня образования, другое направление связано с тем, что мы уже получили в наследство, прекрасное наследство тот уровень образования, систему школ, высших учебных заведений, который даже при слабой экономике имеет смысл сохранять. В качестве компромисса, мне казалось как раз и необходимо вводить именно на законодательном уровне те минимальные нормативы бюджетных расходов, которые наше государство обязано тратить на образование всех уровней. И самый последний тезис, о котором я хотел бы сказать. В поисках этого самого компромисса между общественной ценностью и рынком надо иметь в виду, это все понимают, об этом постоянно идет речь, но не хотят учитывать, что образование обеспечивает не только кадровые потребности рынка или страны. Образование само по себе самоценно, если вы сегодня заметите людей, достигших наиболее высоких успехов в абсолютно различных отраслях, то вы увидите – в основном это результат высшего образования. Мне кажется, что эта ценность также должна быть учтена. Спасибо.

Райзберг Борис Абрамович, профессор, доктор технических и экономических наук

Я хотел бы выступить как учитель высшего 14 разряда школы № 1840 г. Москвы, 20 лет преподавательского стажа, одновременно и профессор нескольких московских вузов, что дает мне право обозреть систему образования в достаточно широких пределах. Остановиться хотел бы на следующих пунктах и несколько более прагматично высказаться.

Первое. По поводу образования и рынка. Мне кажется, что мы должны четко различать и понимать взаимодействие таких понятий рынка как рынок образовательных услуг, рынок труда, все-таки труда, а не рабочей силы, и рынок как всеобщая система хозяйствования в стране, т.е. всеобщий рынок, который накладывает отпечаток на все процессы, не только на образовательные, но и на морально-этические. Взаимодействие этих рынков оказывает огромное влияние, и надо было бы разобраться, что и как влияет, в чем компромисс и противоречие в соответствии с этой структурой.

Второе. Структура образования. В школе совершеннейшие перекосы в сторону недооценки гуманитарных и общественных наук, более того, полная несогласованность учебных пособий и учебных курсов в рамках этих наук и учебников, которые не приведены в соответствие. В вузах колоссальный перекосяк в сторону подготовки экономистов и юристов, сейчас это, возможно, вызвано потребностями реального рынка, корпоративного тем более, а через несколько лет это приведет к тяжелейшим последствиям в области трудоустройства.

Следующий вопрос – это контроль за уровнем знаний. Считаю, тут я уже прямо могу сказать, поскольку немного причастен, я запретил бы любой законодательной или прочей власти применение ограниченных, замкнутых тестов при проверке общественных знаний, это уродство и страшное искажение. Нет времени, я бы вам привел некоторые тесты, которые официально входят. Просто невообразимо даже подумать. По сути, не проверяются никакие познания, не проверяется никакое умение мыслить, проверяется одно – фактография, знаешь ли ты фамилии, знаешь ли ты определенные даты и то фамилии по предрасположению. Например, кто корифей в области социологии, попробуй заявить то это не Огюст Кон, а скажем, Карл Маркс. В четверке ответов три заведомо неверные по определению, хотя бы ввели бы пятый ответ – что ты сам думаешь, а твое мнение по этому вопросу. Нет, открытого мнения быть не может. Это инструмент того, как протаскивать в вузы нужных людей и как репетитору, или педагогу, или школе, кому угодно в рамках ЕГЭ уметь выдвинуть своего претендента.

Следующее – черный рынок в сфере услуг. Я прежде всего коснусь того, о чем сегодня не говорилось, и где я, может быть, достаточно большой специалист, поскольку через мои руки прошло 130 кандидатов наук, - это аспирантура. Почему-то мы смотрим совершенно открыто на то, что аспирантура – это убежище от службы в армии. Так не лучше ли сделать так – каждый убегающий платит полторы тысячи долларов в год, за три года – 4,5 тысячи долларов, заставить тех, кто не хочет служить в армии, пусть он внесет 4,5 тысячи долларов в бюджет, а бюджет потратит эти деньги на квалифицированную наемную армию. И мы закроем вопрос даже без бюджетных расходов, и будет немножко более прозрачная система. То же самое касается защиты диссертаций. Уже дошло до такой степени наглости, могу выложить вам документы, учреждения с прекрасными названиями, например, инновационный институт открыто заявляет: любую диссертацию, любую, совершенно в сжатые сроки при ограниченных ценах. Я позвонил директору, мальчик Гоша объяснил мне все принципы функционирования. Я ему говорю – я лучше вас знаю, каковы должны быть принципы. Он говорит – да это все ерунда, что вы говорите. Я ему говорю – а вы не думаете, что вы совершаете преступление? Нет, преступление совершают те, кто покупают диссертации, а продажа не запрещена. Отшил он меня

самым чистым образом. В этом отношении можно навести какой-то элементарный государственный порядок? К сожалению, ВАК эту проблему не решает, хотя, видимо, такая организация в стране совершенно нужна.

Еще одна предметная вещь – грифы учебников и учебных пособий. На сегодняшний день, чтобы получить гриф надо обладать величайшим искусством, иметь своих знакомых в УМО или Министерстве образования, или заплатить определенную сумму денег. Процедура страшно отягощена. Чего мы боимся? В то же время, если учебник не грифован, он не будет включаться в библиотеки, а издательство не грифованные учебники у вас не возьмет, потому что оно не может продать их на рынке. Что страшного? Я понимаю, могут быть рекомендованные учебники и один универсальный. Я только что приехал из Сочи, там было международное совещание по образованию в школах. Поделилась с нами опытом Армении, перешедшая на новые формы образования, да один такой учебник должен быть, но почему учебные пособия надо грифовать и без грифа они не являются учебными пособиями? Не могу этого понять, и думаю, что это просто искажение нормальных и естественных форм управления.

И последнее – это автономные учреждения. Здесь, правда, об этом говорилось. Самым тщательным образом для интереса изучил закон «Об автономных учреждениях». В нем 10% посвящено сути. Применительно к высшей школе в том числе, он касается более широкого профиля. В действительности, 90% - это каким образом учредители должны угнетать руководителей образовательных учреждений. Они даже не входят в совет наблюдателей, никаких прав. Единственное, в чем отличие от закона «Об образовании» - это возможность сдавать помещения в аренду, предоставленные в оперативное управление. Но все опять зависит от учредителя. Он пожелает – ты будешь сдавать, не пожелает, ты не имеешь права сдавать. Все остальное давно разрешено законом «Об образовании», только, к сожалению, эти права не реализуются. Мне думается, что эти направления, далеко не исчерпывающие всего, что необходимо сделать в образовании, на мой взгляд, являются одними из самых острых. Спасибо за внимание.

Римашевская Наталья Михайловна, советник Института социально-экономических проблем народонаселения, член-корреспондент РАН

Мне хотелось бы посмотреть на рассматриваемую проблему с позиций взаимосвязи между производством образовательных услуг, то, о чем мы сегодня все говорим, кто их производит, как производит, в нужной ли структуре, за те ли деньги, нужно ли больше финансировать, хотя финансировать надо всегда всё больше, еще не было такого, чтобы надо было меньше, и теми, кто их потребляет, т.е. взаимосвязь тех реформ, которые разрушили систему образования, и населением, человеком. Что вообще говоря произошло после этого с населением? Ему хуже стало? Если хуже, то в какой мере, как и почему? И здесь я хочу сказать, что, если реформы, которые произошли и происходят в России, привели к чудовищной поляризации в области материальной обеспеченности населения, об этом очень много говорится, сказано и публикуется. Я думаю, что не меньшая поляризация возникла в результате реформ и по уровню образованности, по уровню образования нашего населения, в основном имеются в виду дети и молодежь. Известно, что, сегодня, например, если мы обратимся к среднему образованию, то такой разрыв существует – с одной стороны есть элитные школы, гимназии различного уровня, качества, включая и зарубежное образование, хотя я не могу сказать, что оно всегда лучше, но во всяком случае это образование, которое получают дети нашей российской элиты. С другой стороны, здесь уже об этом немножко говорили, у нас большая численность детей школьного возраста не посещает школьные учреждения. Здесь было правильно сказано, что количество детей, которые как бы лишены получения образования, практически неизвестно, потому что пока не действует закон об обязательности среднего образования. Но есть различные экспертные оценки. Мы тоже делали такого рода оценки, и по нашим данным, по нашим оценкам это почти два миллиона детей, которые не посещают или все девятилетнее образование или в каких-то частях не имеют соответствующего образования. Вообще говоря, это 10% детей школьного возраста, и я думаю, что это нас должно настораживать. Потому что это как бы другой конец этого распределения - с одной стороны у нас высокоэлитное образование, а с другой стороны дети, которые лишены вообще всякого образования, т.е. они на границе стандартов, даже самых минимальных стандартов. Поэтому, если мы будем идти по пути того, чтобы повышать финансирование, да, это будет хорошо, но это не означает, что у нас все дети, которые находятся за границей этих минимальных стандартов, получают это образование, если не будет поставлена такая задача, и не только не будет поставлена, но и будет закреплена законом о том, что должно обеспечено всеобщее среднее образование. 9 классов, 10 или 11 – это вопрос уже самого этого стандарта. Поэтому я думаю, что мы

должны как-то переходить от средних оценок, средних показателей относительно того, что надо то, надо это, но все-таки нужны и приоритеты. Вот как определить приоритеты? Надо просто повышать расходы на образование или в структуре этих расходов надо поставить приоритет при структурировании расходов, надо поставить приоритетной задачу, чтобы у нас каждый ребенок получил какое-то минимальное образование, чтобы он не был за границей этого. Потому что известно, что этот разрыв в образованности, хотя вы говорили сегодня, что мы занимаем очень хорошее, большое место по образованию, но это тогда, когда мы не учитываем часть нашей молодежи, которая вообще не имеет образования. В среднем все хорошо, а если посмотреть как это дифференцировано, то получается одна часть совершенно за бортом. Поэтому я думаю, что надо как-то переходить в этих оценках, прогнозах и планировании расходов, я бы сказала именно больше в оценках, от средних характеристик того, что происходит в сфере образования нашего населения, к таким дифференцированным показателям и считать в качестве первой приоритетной задачи установление определенных минимальных стандартов, которые должны быть обеспечены для каждого. Конечно, вопрос стандартов очень большой, сложный и очень непростой, но решать его нужно, иначе мы потеряем очень много, а потери здесь серьезные, социальные потери, потому что те граждане, тот слой населения, который не получил среднего образования, можно себе представить, какой вклад он будет делать в человеческий потенциал, в трудовой потенциал. И вообще, какого поведения от него можно ждать? И мы это поведение получаем. Поэтому, мне кажется, что это будет осуществлять определенные компромиссы между общественной ценностью и требованиями рынка, а минимальные стандарты это как раз выражение общественной ценности. Спасибо.

Смолин Олег Николаевич, Первый заместитель председателя Комитета ГД по образованию и науке

Действительно, кстати, даже международные организации признают, что уровень неравенства в возможности в области образования в России давно превысил допустимые пределы. Мы много раз об этом говорили Министерству образования и науки, и последняя реакция Министра была крайне раздраженной, он категорически отрицает, что у нас есть существенное количество детей, оказывающихся вне школы. Это было на пленарном заседании Государственной Думы в связи с принятием того самого закона об обязательном полном среднем образовании. Поэтому, уважаемая Наталья Михайловна, если вы нам дадите ваши данные по этому поводу, мы соберем материалы ваши, Генеральной прокуратуры, Общественной палаты, ведь для того, чтобы решать проблему, ее сначала нужно хотя бы признать. Наше Министерство не признает, что такая проблема вообще существует. Мы будем благодарны за любую помощь, для того, чтобы эта проблема была поставлена очень серьезно, чтобы просто отмахнуться от нее было невозможно. Спасибо.

Кирута Александр Яковлевич, Директор Межведомственного Центра социально-экономических измерений РАН и Роскомстата

Прежде, чем говорить о выдвижении каких-то законодательных инициатив, надо определиться с основаниями, на которых должны опираться эти решения. Мы без конца говорим о модернизации экономики, нужна не модернизация, а нужна стратегия прогресса. Точно так же в соотношениях между образованием и рынком нужен не компромисс, а нужно некоторое решение об оптимальном соответствии. Легко понять, что если образование будет дергаться в каждом году по требованиям рынка, потребностям рынка и т.д., если образование будет дергаться каждый раз на потребу рынка, то ничего хорошего из этого не выйдет, рынок через какое-то время останется сам неудовлетворенным. Образование должно быть в некотором роде универсальным. Болонская концепция непрерывного образования это на самом деле полный вздор, потому что, если человеку нужно непрерывно получать образование, значит, его изначально плохо учили. Человек должен набираться определенных способностей самостоятельного мышления и самостоятельной работы, дальше ему не нужно, чтобы какой-то ментор ему говорил, что ему нужно делать. Теперь о принципах о том, кто, как и почему должен оплачивать образование. Это же вопрос о том, кому что надо на самом деле, кто заинтересован. Т.е. потребителем образования на самом деле является общество в целом, и в рыночной экономике рынок это не общество, рынок – это сегмент общества, и в рынке потребителем образования является работодатель. Процесс образования – это взаимная работа. Когда мы говорим о рынке образовательных услуг, мы ставим образование на уровень парикмахерских, слесарей-сантехников, ЖКХ, химчистки и всего остального. Образование – это совсем другой процесс. Образование создает функциональные блага для общества и функциональные возможности общества. Т.е. общество в целом – потребитель продукта образования.

Образование – это взаимный труд преподавателя и обучающегося. Если обучающийся не будет трудиться, то он ничему не научится, он получит некоторый пакет знаний, который позволит ему сдать текст, но он не научится самостоятельному мышлению, самостоятельной работе. И он будет для бизнеса хуже, чем если бы он этому научился. Почему студенту нужно платить стипендию, на которую он сможет прожить? Потому что его труд по обучению надо компенсировать. Теперь почему в условиях рынка на самом деле люди готовы платить за образование? Совершенно понятно, потому что это дает преимущество в социальной стратификации, т.е. неравенство влечет за собой стимул к платному образованию, но на самом деле, это неравенство искажает мотивацию к образованию, потому что, если ваша цель в получении образования состоит в том, чтобы занять определенное положение в обществе, то вам нужен сертификат, т.е. нужна бумажка, а не определенный комплект навыков. Опять-таки, естественно, более умный человек, понимая, что навыки создают конкурентное преимущество, готов учиться, он будет на каждом шагу отбирать, что он считает нужным, что он считает ненужным, т.е. он будет обучаться не для того, чтобы расширить спектр своих возможностей, а обучаться для того, чтобы себя в каких-то случаях выгодно показать и выгодно продать. Это принципиально разные вещи, и коррупция в образовании возникает именно потому, что важен сертификат, важно свидетельство, а не то, чему человек научился. Социальное неравенство влечет за собой искажение мотивации, когда мы говорим про образование как про рынок образовательных услуг, то надо понимать, что это влечет за собой и снижение статуса общественного образования, и искажение мотивации и со стороны тех, кто должен обучаться и со стороны тех, кто на самом деле преподаёт.

В завершение я хочу сказать, что есть специфическое образование и есть образование, которое обучает самостоятельно мыслить и работать. Т.е. человеку, который самостоятельно мыслит для того, чтобы войти в какую-то конкретную профессию нужно не очень много времени и усилий, т.е. надо овладеть этим материалом. Есть определенный дефицит на рынке квалифицированных менеджеров. Обучение деловому администрированию на самом деле можно сравнить с обучением в театральных вузах, т.е. формально это высшие учебные заведения, но на самом деле это скорее средне-специальные учебные заведения, которые не дают базового образования, которые дают специфические навыки, но не дают образования в широком смысле этого слова. Это моя честная точка зрения. Пару недель тому назад в журнале «Эксперт» была статья Фурсенко с двумя ректорами технических университетов, где говорилось, что семинарская, лекционная форма образования устарела, что нам нужны институциональные преобразования образования, т.е. сам процесс образования нужно менять, нарабатывать компетенции, дееспособность, что нужно вводить проектную форму обучения, изучать кейсы и т.д. В этом есть, безусловно, определенный смысл, но области действия нужно правильно классифицировать. Это обучение определенной суеде и наведению коммуникационных способностей, умение к определенным навыкам - это важно, но те, кто говорит, что семинарская форма не нужна, эти люди имеют просто мало представления о том, что можно сделать на семинарах. Введение бакалавриата предполагает, что бакалавр может переходить, менять специальность при переходе в магистратуру, на самом деле в реальности, насколько я себе это представляю, в каждом вузе бакалавра обучают той специальности, которая преподаётся в этом вузе, просто потому что преподавательский состав не поменялся. Возможности такого перехода сомнительны. Я хочу сказать, что образование не должно дергаться под колебания рыночной конъюнктуры и под то, что запрашивает рынок, а в некотором роде создавать универсальных солдат, т.е. людей, которые обладают определенной базой мыслительных приемов и техникой работы и обучения и могут быстро входить в любую конкретную специальность. Спасибо

Макаров Валерий Леонидович, директор Центрального экономико-математического института РАН, академик

Вообще я хочу сказать, что будущий рынок рабочей силы мне кажется, так устроен, что там дипломы или корочки вообще никакой роли не будут играть. Правда, сильно возрастает роль хедхантеров, так что рынок очень разнообразен.

Шевяков Алексей Юрьевич, директор Института социально-экономических проблем народонаселения

Я хотел бы продолжить и поддержать те замечания, мысли, которые высказывали мои коллеги, прежде всего Наталья Михайловна и Александр Яковлевич, и хотел бы заострить внимание на проблеме - государство и рынок. К сожалению, мы как-то все больше и больше в последнее время, сейчас, может быть, эта тенденция немножко изменилась, мы как бы отождествили рынок, государство

и вообще все остальное. Знаете, мое глубокое убеждение, что образование и наука, и культура - все это не рыночные категории, и здесь, конечно, могут какие-то сектора быть, подчиняться каким-то рыночным законам, но общество должно в каком-то смысле для себя установить – нужно это или не нужно. Если все отдать рынку, то я хочу спросить уважаемого ректора, который сегодня об этом говорил – изучение русского языка или археология, это что такое вообще? Если идти по рыночному пути, мы будем воспитывать и обучать археологов, для того чтобы они очень удачно проводили эти археологические раскопки, а потом продавали людям, у которых много денег? Или для чего? А русский язык? И таких примеров можно дать очень много. Поэтому я думаю, что тут должна быть совершенно четкая позиция, нужно это четко понимать и различать. И тут государство фактически должно установить некоторый статус. Мы говорим сейчас о демографической проблеме, инновациях, переходе к нанотехнологиям, но мы должны решить для себя - государство фактически задает как бы уровень оплаты здесь. Если в бизнесе, экономике это все связано с себестоимостью, с прибылью, всегда можно посчитать зарплату из этих показателей, то здесь государство фактически своей зарплатой обозначает статус этого работника, будь это работник образования, культуры и т.д. Поэтому тот низкий статус, который государство сейчас обозначило, оно фактически то и имеет. Знаете, как был анекдот – а почему у вас директор кладбища получает 80 рублей? А остальные 500 он так заработает. Вот примерно так. Отсюда и коррупция, и взятки и прочее, как один из источников, это первый момент, на который я хотел бы обратить внимание. Мне кажется, на этом нужно сосредоточить внимание особое, я только утром был на круглом столе по пенсионному фонду, там такая же ситуация. Мы пытаемся подстроить, будь то наша образовательная система, будь то пенсионная система под какое-то магистральное направление, явно не обозначенное этой ситуацией, связанной с преобладанием рынка везде и вся. Это первый момент.

Второй момент. Наталья Михайловна уже говорила о неравенстве. Я с Александром Яковлевичем Кирутой занимаюсь этой проблемой давно. Жалко, что ушел наш уважаемый депутат, он обозначил, что стипендия студента ПТУ и студента была 70-80% от прожиточного минимума, но мы совершенно забываем о том, что прожиточный уровень тогда при существовании общественных фондов потребления, бесплатного образования, бесплатного медицинского обслуживания, бесплатного жилья, это как говорят в Одессе, две большие разницы, чем прожиточный минимум сегодня, я не хочу об этом говорить. Поэтому на самом деле неравенство еще больше. Я не знаю цифр, мы, кстати, договорились с Еленой Михайловной Аврамовой провести такое исследование, но по медицине институт им. Семашко провел исследования неравенства доступа к современной медицине, разделив население всего на три группы – богатые, средние и бедные. Так вот, богатые имеют доступ к 77% возможностей современной медицины, средние – 22%, а бедные – на 1,7% только. Я не думаю, что сейчас в образовании неравенство меньше, потому что у нас по некоторым губерниям детская бедность достигает 50 и больше процентов. О каком образовании можно в этих условиях говорить? Вы уже называли цифры – 2 миллиона, 1,5 или 2,3 миллиона детей, которые не ходят в школы, потому что они просто не могут ходить часто. Это очень серьезный вопрос, отсюда и теневая составляющая. Уважаемый коллега сегодня предложил метод борьбы, но я не думаю, что можно найти наемника за 1,5 тысячи долларов в год в наемную армию, я думаю, что он стоит раз в 10, а то и больше. Это в качестве экономики вопроса. Про региональные аспекты – такая разница в жизни и во всем уровне по регионам, что это тоже особая песня.

Наконец, я, может быть, скажу такую интересную вещь, она сегодня тоже прозвучала. Я вспомнил дискуссию, которую мы вели на международном конгрессе по статистике, этот универсальный показатель сравнения благоденствия всех стран как ВВП. Понимаете, он тоже не без греха, и в каком-то смысле я думаю, что эти страны, которые достигли больших показателей, такой критерий поддержат искусственно. Даже наша страна – мы сравниваем себя с Бразилией, с Португалией по этому ВВП, а где наши богатства сидят? Как нас можно сравнить? Мы вроде сейчас все это понимаем, мы за счет этого живем. Образование, мозги – это тоже такой же ресурс, который в ВВП никак не участвует.

Мне кажется, я обозначил некоторые такие моменты, которые мне думается, и для исследования просто принципиальны и хотелось их затронуть на следующих круглых столах. Спасибо

**Гловацкая Нелли Григорьевна, заведующая сектором эффективности социальной сферы
Института экономики РАН, к.э.н.**

Я из-за недостатка времени не затронула такую проблему, которая напрямую связана с темой этого круглого стола – это обозначившийся возрастающий разрыв между качеством образования и ростом требования компетенции специалистов. Это проблема качества образования важна и для

развития общества, для развития самого образования, и для рынка. На странице четвертой тезисов я привела данные, как рынок выражает недоверие нашей сложившейся системе образования, точнее, ее качеству, и студенты уходят из ПТУ, из вузов и т.д., это по данным обследований. Здесь очень важен такой момент – обществу нужно качественное образование, рынку нужно качественное образование, причем, как выясняется, не только специальное, потому что они одни из первых заговорили о неграмотности наших выпускников, занимающих довольно высокие позиции. Т.е. им нужно не только специальное, но и общее образование. Здесь стоит вопрос – как найти компромисс между интересами рынка и интересами общества, и убедить бизнес, в том, что политика переманивания кадров, завоза их из-за рубежа им намного дороже обойдется, как подсчитано, на порядок дороже, чем создание высококачественной системы образования, выпускающей качественных выпускников, и доступность этого качественного образования всему населению.

Макаров Валерий Леонидович, директор Центрального экономико-математического института РАН, академик

Руслан Семенович, скажите пожалуйста, будет какой-то обобщающий труд?

Гринберг Руслан Семенович, директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН

Что касается начала серии круглых столов, то мы имели в виду вместе с руководством НИС создать такую серию круглых столов, в результате которых должны появиться, если не в полном виде проекты законов, то хотя бы концепции этих законов. И мы сейчас проводим круглый стол по образованию, через неделю будем говорить о жилье, круглый стол будет вести В.М.Полтерович, потом наука – 16.10, вести будет А.Д.Некипелов, в конце концов, в идеале мы хотели создать что-то похожее на маленькие концепты законов, которые нужно принять следующей Думе. С учетом того, что теперь Дума будет имеет большее значение, чем раньше, судя по всему, это все будет опубликовано. С самого начала речь шла о повестке дня для следующей Думы. Я хотел коротко сказать о том, о чем мы сегодня говорили. Я уверен, что в России, даже в Советской России, может быть, в ней особенно, есть два конкурентных преимущества, и это никто не отрицает, а очень удивляются, когда наблюдают то одичание, которое у нас происходит, практически одичание нации - у нас есть природный потенциал и интеллектуальный. Мы никогда не были сильны в производстве готовых изделий, я не хочу здесь ссылаться на известную статью академика Макарова и члена-корреспондента Клейнера, когда они все-таки оптимистически смотрят в этом смысле, что вот современный мир скоро переходит на индивидуализацию потребления, а поскольку мы, россияне, не любим серии делать хорошо, только некоторые штучные изделия, то у нас тоже пойдет дело хорошо. Но если даже оспаривать этот тезис, то все-таки интеллектуальный потенциал у нас очень мощный, но сейчас он подвергается стремительному обесцениванию, в этом все дело. Поэтому мне кажется, единственный способ остановить это, это то, о чем сегодня говорили – введение минимальных стандартов. Независимо от того, дефицитный бюджет, профицитный, или сбалансированный бюджет нужно иметь в виду, что образование имеет решающий приоритет перед всеми другими сферами, сейчас это особенно очевидно. А я хотел еще сказать насчет гражданского общества – когда народ неграмотный, то, естественно, им легче манипулировать. А к этому дело идет. Поэтому когда «Эхо Москвы» проводит опрос – если президенту любого человека посоветовать стать его преемником, как вы проголосуете за это, и 42% проголосовало, что это правильно. Любого, буквально! Я и думаю, что это блокирует движение к нормальному обществу, ради чего вообще перестройку начинали делать. Потому что социальное неравенство начинается с образования. Это ведь поразительно, что из общества с большой справедливостью при советской власти оно переходит к другому экстремуму, когда оно даже не капиталистическое, оно просто феодальное получается, что никаких шансов нет у большинства семей просто превратиться в нормальных граждан. Мне кажется, это настолько вопиющая проблема, что мне думается, у нас дырок много в стране, но образование – самая кричащая. Поэтому мне кажется, что нам надо в результате этих круглых столов подчеркнуть, что как Ленин говорил, помните, надо найти слабое звено, чтобы вытащить всю цепь, я лично убежден, что первостепенное значение имеет именно образование. Вот собственно все, что хотел сказать.

Шакин Сергей Вячеславович, заместитель Председателя правления НИС

Так получилось, что я заместитель в Национальном инвестиционном совете у Лебедева, а здесь, в Московской школе экономики – первый заместитель Некипелова. И это упражнение в высшем образовании, в котором я отнюдь не считаю себя профессионалом, да и Александр Дмитриевич

говорит, что мы любители, которые пришли на это поле совсем недавно, но, тем не менее, есть первые ощущения, которыми я хотел бы с вами поделиться. Мы говорим о законах, и в частности о законе, который принят по двухуровневому образованию. Я пытался понять на примере наших депутатов, как происходит верстка законов. Этот закон, который сейчас у нас есть, он действительно выхолостил всю основополагающую идею двухуровневого образования и привел, во всяком случае к тому, что то, что у нас творится, понять невозможно. На самом деле бакалавриат в понимании в любой стране, как бы не строились бакалавриаты, магистратуры, бакалавриат – это не недоделок какой-то, это не недообразованный человек, это нормальный образованный человек, имеющий базовое высшее образование. Магистратура, между прочим, как американцы сами говорят, во всех университетах, что в государственных, что в частных университетах, они говорят – to follow to PhD. У них из бакалавриата имеется прямая дорога в PhD, минуя магистратуру, а в магистратуру идут те, кому нужно получить узкие навыки и умения для бизнеса. Почему больше всего магистрантов существует в бизнес-школах? Бизнес-школы – это такие высшие образования, которые дают нечто для бизнеса, а другое дело высшее образование в фундаментальных университетах. Вы попробуйте сверстать в любом Лондонском университете, Westminster University, City University, отнесите программу, начните преподавать по этой программе и скажите, что я вообще-то MSc, вас вызовут в министерство и скажут - у вас там не хватает fundamentals, что у вас фундаментальных дисциплин не хватает, хотя вы хотите научить account and finance, у вас должны присутствовать макроэкономика, микроэкономика в достаточном объеме и варианте. Что у нас происходит? Лора Буш гордится тем, что она бакалавриат закончила и она библиотекарь. В принципе существуют люди без этого. Произошел интересный случай. Мы на втором году своего существования получили звонок из Лондона, из квартиры рейтингового агентства Мудис. Мы вообще в Московской школе экономики, в силу того, что возглавил ее по своему собственному желанию Александр Дмитриевич Некипелов, имели в виду, что здесь будут практиковать и обучать ученые исследователи первого ряда, ученые из академии наук будут готовить здесь себе последователей, аналитиков, тех людей, которые обрели навык и вкус к исследовательской работе при помощи своих наставников. Вдруг раздается звонок от HR – отдела или департамента ведущего рейтингового агентства мира Мудис, и говорят, мы хотим к вам приехать и поговорить на предмет приема на работу ваших выпускников магистратуры. Я начал было ерничать, у вас там у самих London business school под боком, они говорят – да нет, они не поняли шутки, они говорят – нам нужны аналитики, нам не нужны бухгалтера, нам не нужны проектные финансеры, нам не нужны investment banking, нам не нужны навыки и умения мастеровых от бизнеса. Нам нужны фундаментальные аналитики, которые могут сегодня анализировать базу данных и дать правильную интерпретацию этих данных в проектной финансировании, здесь нам действительно нужны аналитики, допустим, в социально-экономическом плане. Вот кто нужен нынче бизнесу крупному, потому что крупный бизнес ставит стратегические перед собой задачи и для этого нужен кропотливый глубокий анализ. Это я совершенно точно знаю, во-первых, я из бизнеса сюда попал, и сейчас я получил подтверждение этими контактами первичными и звонками оттуда. А кто-то услышал эти сигналы рынка у нас? Те, кто создает многочисленные бизнес-школы, идет как бы за названием и за вывеской, но не за содержанием при подготовке. Последний штрих себе позволю. Это случай из жизни, чтобы вам было интересно. Мы нашли на рынке одного очень интересного молодого человека, то, что говорил наш друг и коллега Лев Сергеевич о рынке труда, оказалось это PhD, который закончил итальянский университет Болонский, с нынешним премьер-министром там учился, а сейчас он в Padua university работает, это один из ведущих итальянских университетов. Со своими коллегами, будучи озабоченными проблемой возникновения кризисов -ни с того ни с его в ведущих корпорациях нации, вы помните, с Parmalat что у них случилось, у итальянцев, это был крах итальянской идеи. Есть некие столпы, в которые они свято верят, и как произошел в случае с Enron в Америке, так и Parmalat, крушение этого гиганта и вообще чистой транспарентной компании с итальянской точки зрения в одночасье, банкротство, да еще столько всяких хвостов, это привело их в ужас, в шок. Этот парень, он эконометрик, очень здорово разбирается в числовых рядах и т.д., мы выяснили по изучению его работ, что самое интересное, чем он заинтересовался - это, если коротко говорить, математические методы, позволяющие строить прогнозы и выяснять признаки банкротства крупнейших предприятий на самых-самых ранних стадиях. Он пытается создать некие такие математические модели. Естественно, я здесь не являюсь специалистом, спросили академика Полтеровича, посоветовались с Сергеем Артемьевичем Айвазяном, они говорят – действительно, выдающийся парень. И у меня, и моих коллег появилась идея перетащить его сюда, чтобы он работал, но только не так, как у нас берут выдающиеся вузы страны, открывают ООО «Рога и копыта», записывают его туда дворником, платят пять тысяч долларов, и все нормально, и он преподает, а вот честно, чтобы взять, пригласить от университета,

чтобы он приехал не visiting-professor или почетный профессор, а нормальный штатный профессор. Вот итальянец, заключивший на определенный период договор, и приехал в штатную структуру университетскую работать. Ан нет! Начиная с миграционного законодательства, кончая препонами по оформлению визовой поддержки и завершая тем, что не положено выплачивать подъемные, ведь человек перемещается из дома одного в дом другой, ему надо подъемные, если вы помните такие вещи, и прочие моменты, которые ему позволили бы жить нормально в нашей среде. По-моему, я говорю, и вижу понимание практически во всех ваших глазах, даже если в глаза заглянуть сотрудников научно-исследовательских институтов Российской академии наук, то они тоже меня понимают, о чем я говорю. А ведь это ненормально, ведь когда рейтингуют университеты, указывают количество иностранных профессоров в вузе. Вот почему скатывается МГУ в рейтинге, потому что важно in campus hiring , т.е. сколько завербовали у вас корпорации в кампусе, здесь, когда еще учатся, а не там когда вышел, там другое, там вышел, сам себе нашел место. Эти вопросы наше сегодняшнее законодательство, которое впопыхах продавливается сплошным большинством, которое порой очень часто не думает, вот законодательство, существующее, принятое единогласно – жуй. А что жевать – непонятно. Это, конечно, ужасно. Мы все равно протаптываем дорожку, все равно боремся, я похвастался перед вами, что все-таки этот итальянец будет у нас учить, все-таки будет у нас на английском языке преподавать, все-таки он будет участвовать в научно-исследовательской работе вместе с Сергеем Артемьевичем Айвазяном и под его руководством, о чем он мечтал. Но это, конечно, и тернии, и полу-обман и прочие всякие довески. И последнее – о том, что говорили по поводу преподавания на английском языке. Во-первых, я не помню, чтобы в иностранных университетах платили за то, что преподает человек на английском языке, не платят, были с тобой, Лев Сергеевич, вместе в Шато де Форже, преподавали. Сейчас весь мир, хотим мы этого или не хотим, говорит на английском. Поэтому и мы взяли такой курс, что у нас есть разные преподаватели. Вот Валерий Леонидович хочет преподавать, он у нас читает курс на русском языке. Приезжает Майкл Интерлигейтер и преподает на английском, он на английском и должен преподавать. Но чтобы вся школа в России вдруг обернулась и стала преподавать на английском, да зачем? У нас все-таки есть базовый язык, а вот почему по-другому не сделать? Сейчас к нам потянулись те же итальянцы, говорят – вот мы хотим учиться. А что вы хотите? Ведь у нас есть некий профиль и у нас есть преподаватели. Почему они все ради тебя должны учить английский язык, а ты не должен русский учить? Вот если ты хочешь у нас обучаться, то добро пожаловать. Есть предметы, которые читаются на английском – пожалуйста, но те предметы, которые на русском – понимай. Готовься и понимай. Почему я сдаю TOEFFEL, почему я сдаю GIMET, GRI, и прочее, а они не должны? Если они хотят сюда ехать, мы должны придумать такой экзамен, который бы позволял их аттестовать. Спасибо.

Воронков Лев Сергеевич, профессор МГИМО, заведующий магистратурой зарубежного регионоведения

Что касается совместных программ с другими университетами. Для того, чтобы читать для одного-двух партнерских университетов целый курс, это слишком дорого, мы разоримся. Мы хотим и стремимся создать сеть магистратур, когда наши ехали бы туда и работали там на тех языках, на которых там преподают, и чтобы к нам приезжали и слушали наши семестровые курсы. Проблема в том, я говорил о том, что, если мы хотим участвовать и получать значительную долю доходов от участия в этих образовательных услугах, то мы должны в общем-то идти навстречу тем пожеланиям, которые есть и обучать не только людей, знающих и желающих знать русский язык, но и тех, которые говорят на других языках, но получают наши услуги.

Макаров Валерий Леонидович, директор Центрального экономико-математического института РАН, академик

Уважаемые коллеги, давайте мы официальную часть закончим, тем более Александр Яковлевич обещал, что все будет опубликовано, так что мы не зря свои умные мысли высказали и зафиксировали.